

И тогда бегали по пыльным дорогам завоинским
И несли нам судьба поражения осиды,
В аймаках, как и в больших казачьих станицах,
В храмах пели степных панихиды...
Над убитыми вместе, за Волгу, рыдали —
Мать казацкая и мама калмычка степная,
А потом и других сыновей сжаривали,
За свободу и Дон их на бой провожая.
Шлих один для донцов и для нас
Лентой стлался к московской границе,
Где встречали мы вместе напор серых масс,
Защитил родные станицы.
А потом рок для нас проложил
Путь один — на чужбину, в маршанье,
И мы вместе опять, выбиваясь из сил,
Идем торной дорогой скитанья.
Тоска одна здесь у нас: враг отчизну гнетёт;
Молит братьев он наших штыками,
Но народ наш пред ним головы не нагнёт,
Потому мы за Волгу идем с казаками.

-----00000-----

-----000-----

-----0-----

САНЖА БАЙЕЦОВ.

И И.

(посвящается волевым казакам).

Между морями — Черным и Синим,
У трех полноводных рек,
Племенем свободным и смелым,
Живем мы из века в век.

Имя человека превыше
Ценны в своей семье;
Слова — Свобода — вражде
Не знаем мы на земле.

Рабства цепи презирая,
Болезнь только дорожим;
Жизнь Свободу покупаем,
Заветы предков храним.

С верою в силу Правды
Смерти навстречу идем;
От коварных врагов пощады,
Никогда, никогда мы не идем.

Львиному сердцу — послушны
И крепости рук своих;
С иллуциями Свободу — дружны
И нет среди нас чужих.

В бурливом стремлении в Свободу,
Препрады все душа,
Стальной лавой в победу
Рвется Казачья душа.

-----00000-----

-----000-----

-----0-----

ПАМЯТИ НАМЧИ СОТРУДНИЦЫ.

Летом прошлого года умерла во Франции Намча Васановна У к а н о в а (урожденная Бембетова), оставив малолетнюю дочь и безутешного мужа. Покойной было только 35 лет, но беспросветная жизнь в эмиграции, полная повседневной борьбы за кусок хлеба, тяжелые душевные драмы (родители убиты большевиками) и за судьбу своего ребенка рано подточили ее здоровье...

Она была одной из тех молодых пионерок-калмычек, как стипендиаток своих станиц, повзвизавших в станицу Великосынскую в качестве учениц четырехклассного училища. Их было человек 20. Выстроив по паре, каждый день, водила их воспитательница из пансиона в школу и обратно. Алмаши не отдавали девочек в школу на условиях частного квартирования по русским семьям, боясь руссификации; и потому был образован специальный девичий, калмыцкий пансион, в котором девочки находились под строгим надзором...

Ураганные события в России разметали их по свету. Мало кто из них уцелела и мало у кого из них тихо сложилась жизнь. Безрадостен был и жизненный путь Намчи. Только что окончила она школу и, получив звание народной учительницы,

хотела отдаться делу цивилизации родного народа, как пришлось выслушивать. Голод, холод, будни на повозках, крик, смерть родителей, непредвиденное замужество — обычный путь молодой калмычки последнего десятилетия. Супружество Намчи, между прочим, оказалось счастливой, супруги ладно жили. Назалась Намча — у тихой пристани семейной. Но, как раз, за два года до ее смерти, автомобилист во Франции давит ее любимую пятилетнюю дочь.

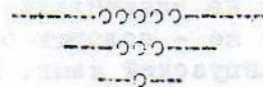
С этого несчастного года Намча делается очень религиозной, часто молится Богу, всегда усердно проповедует наличие Бога и предопределенность человеческой судьбы свыше.

Появление в жизни калмыцкой эмиграции „домашних Воли“ ее весьма заинтересовало. „Неужели это возможно“ спрашивает она. Мало верит, а все же считает своим долгом помогать по силам и средствам. В первом номере из своих трудовых грошей, может быть, заработанных между домашней работой стиркой или шитьем чужого белья, делает свой скромный взнос. Во втором номере уже приняла участие своим стихотворением, где выразила веру и надежду в возрождение своего народа. В третьем номере уже не могла принимать участия. Была больна. Скоро ее пришлось отдать французской земле.

Наша группа в лице Намчи Улановой (Бембетовой) потеряла единственную сотрудницу-камычку, сознательно и нам подомедней.

Да найдет твой душа лучшее перерождение в новой жизни. Дело, о котором ты робко мечтала, мы будем продолжать в меру наших скромных сил.

РЕДАКЦИЯ.

УЧУР АЛДЮБЕВ.

О ПОЛИТИЧЕСКОМ РАССЛОЕНИИ КАЛМЫЦКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЭМИГРАЦИИ.

Применительно к народной мудрости: „сто голов — сто улов“, нет ничего ненормального в том, что и немногочисленная калмыцкая интеллигенция в эмиграции раздроблена, или готова раздробиться, по разным политическим партиям. Востолку, поскольку нет действительной обстановки для расколения ее по собственно-калмыцким партиям без связи с партиями соседних народов, с судьбами коих связана и судьба нашего народа, нет ничего неожиданного и в том, что калмыцкая интеллигенция расстранивается по русским и казачьим политическим партиям.

Я — человек, вот уже десятков лет живущий в условиях фабричной работы и всецело поглощенный заботами о большой нетрудоспособной семье (большие родители и ребенок. Мать его на днях умерла. Ред.), конечно, не могу тонко разбираться и, как говорят, по ниточкам разобрать этот вопрос, а потому кратко и просто передаю мою мысль, которая часто занимает мою голову. По моему пониманию, камычка, собразно своему убеждению, может состоять в какой угодно политической партии и соседних народов. Но, при этом, он должен иметь в мыслях свой национальный вопрос т.е. я этих хочу сказать, что каждый из нас, прежде чем войти в состав той или иной партии, должен узнать, как эта партия разрешает национальный вопрос, или еще проще, какое положение предполагает эта партия предоставить калмыцкому народу, когда она возьмет власть в своем государстве.

Ведь, откровенно говоря, каждая партия, с основанием или без основания, представляет из себя ячейку будущей власти в государстве и, вошь скоро так, то калмычки, входящие в состав данной партии, прежде всего, должны узнать, что эта партия дает твоему народу. Без соблюдения этих условий камычка не может, по моему, войти в состав чужих, русских, казачьих или других партий.

Так, например, если бы в вольноказачьем просите Конституции не было бы ясно сказано, что калмыцкий народ в качестве самостоятельной единицы в состав казачки, я ни за что не счел бы нужным входить в группу „Калмык Таврачки Тув“, состоящей в числе вольноказачьих организаций. Из программы Вольного казачества и этой группы я увидел, что если казачеству удастся освободиться и образовать свое государство, то калмычки будут истинными хозяевами на своей земле, будут управляться своей выборной властью, будут свободно развивать свои языковыя, ре-